

А. П. Мартеньянов

Крестьянские прошения первых веков н. э. из фракийских земель, Малой Азии и Северной Африки: опыт сравнительной характеристики

Римское завоевание существенным образом изменило жизнь покоренных народов и, видимо, можно не сомневаться в том, что «нивелирующий рубанок римского мирового владычества», о котором писал Ф. Энгельс [1, с. 146], основательно прошелся по провинциальным землям, надолго определив *общие* черты их развития. Однако при этом каждая провинция, разумеется, сохраняла в той или иной мере свою *самобытность*. Поэтому, определяя возможные подходы к изучению истории сельского населения Римской империи, М. И. Ростовцев в свое время совершенно, на наш взгляд, обоснованно отмечал: «Здесь, как ни в одной другой области исторических исследований, особенно велика опасность обобщения, когда все сельское население начинают рассматривать как единое целое. Жизнь деревни в различных областях империи была такой же дифференцированной, как и те экономические и социальные условия, которыми определялся ее характер; и даже когда эти различные части утратили свою политическую самостоятельность, растворившись в Римской империи, те формы, в которых складывалась жизнь сельских местностей, не утратили своего многообразия» [2, т. 1, с. 181]. Таким образом, воссоздание картины сельской жизни предполагает выявление общих и специфических черт, характеризующих положение крестьян в различных областях Империи, и этим определяется актуальность *сопоставления* происходящих с их территории сведений о деревенском населении. Среди источников, которые содержат такую информацию, особое место занимают петиции сельских жителей римским властям, дополняющие и, главное, конкретизирующие свидетельства юридических памятников о налогах и повинностях провинциального крестьянства. Два таких прошения происходят из Нижней Мезии и Фракии — восточнобалканских провинций, образованных в результате покорения римлянами фракийских земель. Первое из них (IGBR, IV, № 2236; cf.: IGBR, V, № 5872), случайно найденное в 1868 [3, с. 28; IGBR, IV, р. 198] или 1861 г. [4, с. 39–40] у с. Грамада (сейчас на его месте находится железнодорожный вокзал болгарского г. Благоевград), было направлено в 238 г. н. э. императору Гордиану III жителями села Скаптопара на территории античного города Пауталия во Фракии. Вторая петиция (ISM, I, № 378) обнаружена при раскопках древнегреческого полиса Истрия в Малой Скифии (совр. Добруджа). Опубликовавший ее впервые Й. Стоян сообщает, что это произошло в 1934 г. [5, р. 138; 6, р. 369]. В изданном позднее своде надписей из Истрии и ее окрестностей отмечается, что петиция была найдена между 1928 и 1935 годами (ISM, I, р. 490). Надпись датируется последними годами правления Антонина Пия [5, р. 146–148; ISM, I, р. 493]. Просители именуют себя кометами «земли (или села [6, р. 382; IGBR, V, р. 381]) *дагов*» — ΧΟΡΑΔΑΓΕΙ (sic! [V.: 6, р. 371, fig. 1A]) или ΧΟΡΑ ΔΑΓΕΙ. У исследователей это название вызывает некоторое недоумение и нет единого мнения от-

носителем того, как его воспроизводить — в одно или в два слова [v.: ISM, I, p. 493–494; IGBR, V, p. 381; 7, p. 143–144]. Поэтому используемая нами далее русскоязычная форма *Хорадагей* условна. Приходится также отметить, что контекст не позволяет с уверенностью судить о том, является ли данный топоним названием одного населенного пункта или обозначает местность, на которой могли находиться несколько поселений. Оба прошения в разное время изучались авторитетными специалистами (v.: ISM, I, p. 490; IGBR, IV, p. 198–199 е. а.), **которые, комментируя их, разумеется, ссылались на известные аналогии.** Г. Михайлов в своде греческих надписей, найденных на территории Болгарии, не только приводит тексты ряда подобных эпиграфических памятников (IGBR, IV, p. 222–229), но и активно использует их, интерпретируя отдельные фрагменты прошения из Скаптопары. Однако специально в сравнении со свидетельствами крестьянских петиций из других провинций Римской империи содержание жалоб сельчан Нижней Мезии и Фракии, насколько нам известно, не анализировалось. Именно такого рода попытка предпринимается в данной статье.

Прежде всего напомним суть прошений, с которыми обращались к римским властям сельские жители фракийских земель.

Надпись из Хорадагей начинается обращением к императору Антонину Пию (ISM, I, № 378, vss. A1–6), **а само прошение, текст которого затем приводится, было адресовано** наместнику Нижней Мезии Юлию Северу (ibid., vss. A6–9). Кометы умоляют его вынести решение, предписывающее облегчить бремя возложенных на них литургий и ангарий. Если же этого не произойдет, пишут сельчане, они вынуждены будут переменить местожительство. Бедственное положение просителей определялось тем, что рядом с их селом проходила общественная дорога, к обслуживанию которой они привлекались «много раз в год» (ibid., vss. B6–7: ΠΟΛΛΑΚΙΣ ΤΟΥ ΕΤΟΥΣ). В своей петиции кометы ссылаются на случай, имевший несколько ранее место в селении Лайкос Пюргос (ΛΑΙΚΟΣ ΠΥΡΓΟΣ), находившемся на этой же самой дороге. Его жители, также переобремененные повинностями и перевозками, обратились с аналогичным прошением к Антонию Иберу, предположительно управлявшему Нижней Мезией в 138 или 139 г. н. э. [5, p. 146–148; ISM, I, p. 495]. **Фрагмент надписи, в котором, очевидно, говорилось о том, как отреагировал на их просьбу провинциальный наместник, к сожалению, не сохранился и, таким образом, по словам Е. М. Штаерман, его ответ «остается неизвестным»** [8, с. 229]. Разумеется, это так, но, думается, мы вправе допустить, что возможны только два варианта развития событий в Лайкос Пюргос, при которых имело смысл приводить их в качестве прецедента: либо резолюция Антония Ибера оказалась, как полагал Й. Стоян [5, p. 148–149], благоприятной для просителей, либо они, не получив от наместника поддержки, поступили именно так, как намеревались это сделать кометы Хорадагей, — покинули свое селение, и это привело к каким-то нежелательным для властей последствиям, может быть, в частности, негативно сказавшись на обслуживании упоминающейся в надписи общественной дороги.

Из петиции крестьян Скаптопары, адресованной Гордиану III, следует, что их жизнь во многом определялась спецификой местоположения этого фракийского села. Оно находилось между двумя военными лагерями и, главное, — у целебных горячих источников. Последнее обстоятельство способствовало превращению Скаптопары в популярное «курортное» местечко, которое охотно посещали даже наместники Фракии и императорские прокураторы. Кроме того, в двух милях от села периодически устраивались популярные среди населения ΠΑΝΗΓΥΡΙΣ, и тогда в окрестности Скаптопары стекалось множество людей. О. В. Кудрявцев [9, с. 218] и А. Б. Ранович [10, с. 248] переводили ΠΑΝΗΓΥΡΙΣ как «празднество». Однако большинство исследователей склонны толковать это слово как «ярмарка» (болг. *панаир*, англ. *fair*, лат. *mundinae* и т. д. [см.: 3, с. 32–33; 11, p. 648, п. 94; 12, с. 308–309; IGBR, IV, p. 213, 221 е. а.]), причем такая интерпретация вполне соответствует результатам археологического

исследования местности, где находилась Скаптопара. Археологические материалы первых веков н.э. свидетельствуют о торговой активности населения этой территории и подтверждают возможность существования на указанном в надписи расстоянии от Скаптопары античного эмпория, расцвет которого приходится на римское время [13, с. 54–58]. Таким образом, соседство римских гарнизонов обеспечивало Скаптопаре безопасность, посещения высоких лиц провинциальной администрации, вероятно, позволяли сельчанам надеяться на благожелательное отношение к ним римских властей, а регулярно проводившаяся ярмарка должна была стимулировать развитие в округе рыночных отношений. Все это благоприятствовало скаптопаренцам, и они, располагая, видимо, достаточным количеством земли и на равнине, и в горной местности, долгие годы не испытывали нужды, исправно платили подати и выполняли прочие распоряжения: ANENΔΕΩΣ (или ANEΔΕΩΣ [см.: 12, с. 309]) ΤΟΥΣ ΤΕ ΦΟΡΟΥΣ ΚΑΙ ΤΑ ΛΟΙΠΑ ΕΠΙΤΑΓΜΑΤΑ ΣΥΝΕΤΕΛΟΥΝ (IGBR, IV, № 2236, vss. 28–30). Однако со временем эти, казалось бы, безусловные преимущества жизни Скаптопары обернулись для нее настоящими бедствиями. Многие посетители ярмарки, а также солдаты, направленные в другие места, прибывали в Скаптопару и вынуждали ее население бесплатно предоставлять им жилье и провиант. В надписи не сообщается, какие изменения в провинциальной жизни породили подобный произвол, но, как бы там ни было, он оказался пагубным для скаптопаренцев. Значительная их часть покинула село, а оставшиеся умоляют императора пресечь творящееся беззаконие. Только когда порядок будет восстановлен, жители Скаптопары вновь окажутся в состоянии платить «священные подати» и вносить прочие платежи (ibid., vss. 97–99: ΤΟΥΣ ΤΕ ΙΕΡΟΥΣ ΦΟΡΟΥΣ ΚΑΙ ΤΑ ΛΟΙΠΑ ΤΕΛΕΣΜΑΤΑ ΠΑΡΕΧΕΙΝ ΔΥΝΗΣΟΜΕΘΑ). Если же притеснения не прекратятся, они, как и их односельчане, покинувшие Скаптопару ранее, будут вынуждены бежать из родных мест, и тогда, по словам просителей, казна понесет огромный ущерб (ibid., vss. 92–94: ΦΕΥΣΟΜΕΘΑ ΑΠΟ ΤΩΝ ΟΙΚΕΙΩΝ ΚΑΙ ΜΕΓΙΣΤΗΝ ΖΗΜΙΑΝ ΤΟ ΤΑΜΕΙΟΝ ΠΕΡΙΒΛΗΘΗΣΕΤΑΙ).

Примерно в то же время в аналогичной, по сути, ситуации оказались арендаторы земель императорского имения Арагва во Фригии (Малая Азия) [OGIS, № 519; ср.: 2, т. 2, с. 387, 389, прим. 26]. Их обращение к Филиппу Арабу (244–249 гг. н. э.) и по содержанию, и, похоже, по эмоциональной настроенности просителей является чрезвычайно близким петиции скаптопаренцев. Крестьяне жалуются на военачальников и солдат, представителей городской элиты и чиновников, взыскивавших налоги в пользу фиска — цезарианцев (ΚΑΙΣΑΡΙΑΝΟΙ), которые, прибывая в Арагву, лишали ее жителей возможности нормально трудиться и силой забирали у них на ангарии рабочих волов (OGIS, № 519, vss. 17–23). В результате арагвенцы оказываются в крайне тяжелом положении, которое сами определяют такими словами: ΣΕΙΟΜΕΘΑ ΔΕ ΠΑΡΑ ΤΟ ΑΛΟΓΟΝ ΚΑΙ ΠΑΡΑΠΡΑΣΣΟΜΕΘΑ ΥΠ ΕΚΕΙΝΩΝ, ΟΙΣ ΣΩΖΕΙΝ ΤΟ ΔΗΜΟΙΣΙΟΝ ΩΦ(Ε)ΙΛΕΙ (ibid., vss. 15–16). В переводе петиции из Арагвы, предложенном А. Б. Рановичем и включенном в русскоязычные хрестоматии по истории Древнего Рима [14, с. 454–455; 15, с. 333–334], этот фрагмент выглядит следующим образом: «мы... угнетаемы сверх невообразимой меры и являемся объектом вымогательства со стороны тех, кому надлежит охранять общественные интересы» [10, с. 60]. Заметим, однако, что глагольные формы, употребленные в выделенном нами месте греческого текста, допускают возможность и другого перевода — при котором этот пассаж обретет несколько иной смысловой оттенок: «нас обирают сверх непостижимо и *сверх положенного* (или *незаконно*) *облагают налогами*». Разумеется, это только *возможный вариант* толкования данного отрывка, но он представляется заслуживающим внимания, так как предложенная трактовка глагола ΠΑΡΑΠΡΑΣΣΩ вполне соответствует и контексту его использования (в конце сохранившейся части надписи просители особо подчеркивают, что они терпят притеснения со стороны цезарианцев), и тому, что известно об отношении малоазийских сельчан к сборщикам

налогов из прошений, направленных императорам деревенскими жителями соседней с Фригией Лидии. В трех таких, близких по времени жалобе из Арагвы, петициях, найденных у населенных пунктов Мендехора, Агабейкьой и Кассар в современной Турции [v.: IGBR, IV, p. 207, 222–224; ср.: 2, т. 2, с. 120–121, 127–128, 348–349, 354–355; 10, с. 58–59], именно занимавшиеся сбором налогов коллетионы (ΚΟΛΛΗΤΙΟΝΕΣ) фигурируют в качестве главных обидчиков крестьян. Так, например, в надписи из Агабейкьой арендаторы императорского имения, находившегося на территории античной Филадельфии, жалуются на то, что неправомерные действия сборщиков налогов лишают крестьян возможности обрабатывать землю, платить подати и выполнять повинности, несут в себе угрозу для самой их жизни (IGBR, IV, p. 223, № 3, vss. 21–30). О том, что они фактически лишены средств к существованию, пишут сельчане и в петиции, происходящей из Кассара. Виновниками своих бедствий они считают и коллетионов, и каких-то других приезжающих в деревню людей, чье появление там оказывается для местных жителей невыносимым бременем (ibid., vss. 16–24). Судить о том, кем были эти незванные гости, с полной уверенностью, в отличие от ситуации в Скаптопаре и Арагве, не представляется возможным — 12–14 строки надписи утрачены. Однако упоминание в 10-й и 11-й строках фрументариев (о них, кстати, говорится и в 17-й строке прошения из Мендехоры) и стационариев позволяет предположить, что речь может идти именно об этих полицейских служащих, которые, как и сборщики налогов, повсеместно вызывали у крестьян своими действиями самое неприязненное отношение [см.: 2, т. 2, с. 126–128, 354–355, прим. 31].

В очень тяжелом положении находились в эпоху принципата и многие сельские жители африканских провинций Рима. Относящееся еще к первой половине I в. н. э. колоритное описание страданий египтян от жестокости сборщиков налогов в сочинении «О частных законах» Филона Александрийского (De spec. leg., III, 159–163) находит документальное подтверждение в эдикте 68 г. н. э. префекта Египта Тиберия Юлия Александра (OGIS, № 669). В нем, в частности, реагируя на жалобы земледельцев, префект приказывает стратегам всех номов отменить все незаконно введенные за последние пять лет налоги (параграф 10) и впредь штрафовать тех, кто взимает с плательщиков *сверх должного* (параграф 11). Однако можно не сомневаться в том, что такого рода распоряжения если и выполнялись, то недолго: бремя налогов и многочисленных литургий оставалось непосильным для значительной части египетских крестьян и во II, и в III в. н. э. [10, с. 195–203; 16, с. 21–25]. Из множества свидетельствующих об этом надписей приведем в качестве примера жалобу 216 г. н. э. из Файюма, в которой сельский житель Аврелий Пакюсис сообщает, что городской цензор взыскивал с него «второе (!) больше положенного» [17, S. 485–486, № 408 vss. 8–9]. Нелегко приходилось и сельскому населению Проконсульской Африки. Именно оттуда происходит одно из наиболее известных крестьянских прошений — обнаруженная в конце XIX в. на территории Туниса, в Сук эль-Кмис, жалоба арендаторов находившегося вблизи античного Карфагена императорского имения saltus Burunitanus, которая в промежутке между 180 и 183 гг. н. э. была направлена Коммоду [CIL, VIII, № 10570=14464; ср.: 2, т. 2, с. 112–113; 19, S. 321, Anm. 1; 20, с. 32–36]. Крестьяне просят императора обуздать своеволие кондуктора сальтуса Аллия Максима, очевидно, собиравшего, как и другие conductores императорских поместий того времени [см.: 2, т. 2, с. 105; 20, с. 33–34], арендную плату и налоги с мелких колонов. Арендаторы умоляют Коммоду издать рескрипт, запрещающий императорским прокураторам и кондукторам произвольно увеличивать отчисления с земли, трудовые повинности и поставки тяглогового скота, предписанные колонам законом Адриана. Кроме того, просители ссылаются на хранившиеся в архиве (tabularium) Карфагенской области (tractus) распоряжения императорских прокураторов, согласно которым арендаторы были обязаны отрабатывать шесть дней в год: два — на

пахоте, два — на прополке и два — на уборке урожая. С похожей петицией, также содержащей ссылку на *lex Hadriana*, обращались к Коммоду и колонны другого императорского имения в Проконсульской Африке, о чем свидетельствует сильно, к сожалению, поврежденная надпись, найденная в Газр Мезуаре (CIL, VIII, № 14428). Пытались найти защиту у римских властей и крестьяне соседней с Африкой провинции Нумидия (CIL, VIII, № 17639).

Анализ содержания всех упомянутых петиций показывает, что предусмотренные законом обязательства, какими бы они ни были обременительными, не вызывали у крестьян возмущения, и жители Скаптопары, например, как уже отмечалось, в обычных условиях были вполне в состоянии платить налоги и выполнять положенные повинности. Главной причиной своих бед деревенские жители считали произвол должностных лиц *на местах*, людей, которые, располагая определенным общественным положением, насильно вынуждали сельчан *сверх положенного* расходовать их средства и жизненные ресурсы. Поэтому-то, не надеясь на заступничество местных властей, крестьяне и обращались за помощью непосредственно к провинциальным наместникам, а если это не приносило желаемого результата, то и к самим правителям Римской империи. Для того чтобы передать прошение императору, требовался человек, пользовавшийся его благосклонностью и доверием сельчан. Видимо, нередко в качестве таких посланников выступали в силу тех или иных обстоятельств заинтересованные в защите прав просителей военнослужащие. Например, жители Скаптопары передали свою жалобу Гордиану III через солдата X преторианской когорты Аврелия Пурра, являвшегося их односельчанином (*convicanus*) и совладельцем (*copossessor*) (IGBR, IV, № 2236, vss. 6–7, 166–167). Петицию арагвенских колоннов Филиппу Арабу также доставил воин (ΣΤΡΑΤΙΩΤΗΣ) — Тит Ульпий Дидим, фигурирующий в 3-й строке надписи и как *miles centenarius frumentarius* [IGBR, IV, p. 224; 2, т. 2, с. 185–186, 387–389, прим. 26]. М. И. Ростовцев считал весьма, по его словам, вероятным, что военнослужащим был и передавший Коммоду прошение арендаторов Бурунитанского сальтуса Лурий Лукулл [2, т. 2, с. 113]. Такое предположение, и прежде всего в свете того, что нам известно о посланцах к императорам из Скаптопары и Арагвы, представляется вполне правомерным. Однако, признавая это, следует обязательно учитывать, что никаких указаний на причастность Лурия Лукулла к воинской службе в надписи из Сук эль-Кмис нет. Правда, его имя упоминается только в связи с императорской резолюцией в заключительной части текста (CIL, VIII, № 10570=14464, vss. 64–78). Начало же прошения, а именно в этой части петиций из Скаптопары и Арагвы определяется статус Аврелия Пурра и Т. Ульпия Дидима, до нас не дошло. В свою очередь, не сохранились и последние строки надписи из Арагвы. Но в ответе Гордиана III скаптопаренцам, также помещенном в самом конце текста, хотя и не повторяется информация об Аврелии Пурре как преторианце, он вновь, как и в 6-й строке, фигурирует как воин (*miles*) (IGBR, IV, № 2236, vs. 166).

Как можно было заметить, в некоторых случаях сельские жители, стремясь придать своим прошениям большую убедительность, пытались привлечь внимание на то, что творившиеся беззакония наносили ущерб не только их хозяйствам, но и императорской казне — ведь разоренные крестьяне не могли как следует обрабатывать землю, выполнять возложенные на них обязанности и, в частности, платить налоги. С особой определенностью пишут об этом сельчане Скаптопары, чье высказывание по данному поводу (IGBR, IV, № 2236, vss. 92–94) уже цитировалось, и арендаторы Бурунитанского сальтуса. В начале сохранившейся части надписи из Сук эль-Кмис (CIL, VIII, № 10570=14464, vss. 1–4) отмечается, что *прокуратор и кондукторы действуют вопреки закону и во вред интересам императора: contra fas atq(ue) in perniciem rationum tuarum* (i.e. *Caracallae* — А. М.). Приведенный довод просителей, кстати, в полной мере согласуется по смыслу с изданным незадолго до их обращения к Коммоду рескриптом Марка Аврелия и Луция Вера. В соответствии с этим распоряже-

нием (Dig., 50, 1, 38, 1), колоны императорских поместий должны были выполнять свои обязанности *без ущерба для фиска*, а ответственность за это возлагалась на наместника и прокуратора (item rescripserunt colonos praediorum fisci muneribus fungi *sine damno fisci* oportere, idque excutere praesidem adhibito procuratore debere). И, как знать, может быть, в подтверждение своей правоты арендаторы Бурунитанского сальтуса ссылались не только на *lex Hadriana*, но и, в утраченной части надписи, на рескрипт Марка Аврелия и Луция Вера.

Если же все доводы просителей окажутся неубедительными и их требования не будут удовлетворены, доведенные до отчаяния крестьяне нередко обещают пойти ради спасения своей жизни на крайние доступные им меры, а именно переменить местожительство. Особенно широкие масштабы бегство сельчан, спасавшихся от бремени налогов, повинностей и литургий, приобрело в первых веках н. э. в Египте (хорошая сводка свидетельств источников по истории этого явления в египетских землях, где оно еще в птолемеевские времена получило название ΑΝΑΧΩΡΗΣΙΣ, представлена в статье Н. Льюиса [16, с. 19–33; ср.: 2, т. 2, с. 307, прим. 50; 10, с. 196–197, 201–202]). Из крестьянских петиций следует, что анахоресис был распространен и в других провинциях. Наиболее выразительно и, вместе с тем, определенно, развивают мысль о возможном бегстве из родных мест арендаторы императорского имения у Филадельфии в Лидии, на землях которого, как следует из текста прошения, трудились еще их предки. В заключительных строках надписи из Агабейкёй просители заявляют о своей решимости покинуть «и отцовские очаги (или *алтафи* — А. М.), и могилы предков» (ΚΑΙ ΕΣΤΙΑΣ ΠΑΤΡΩΑΣ ΚΑΙ ΤΑΦΟΥΣ ΠΡΟΓΟΝΙΚΟ[Υ]Σ), переселившись на частные земли, менее, по их словам, подверженные произволу сборщиков налогов (IGBR, IV, р. 223, № 3, vss. 42–54). Колоны же императорского имения в Проконсульской Африке, подавшие прошение, найденное в Газр Мезуаре, извещают Коммод о своем желании убежать в такие места, где они смогут жить как свободные люди (CIL, VIII, № 14428). Таким образом, анахоресис в первых веках н.э. был весьма характерным для провинциальных земель явлением, и содержащиеся в прошениях из Хорадагей и Скаптопары заявления их жителей о намерении оставить родные места, свидетельствуют о том, что Нижняя Мезия и Фракия не являлись в этом отношении исключением.

На что могли надеяться крестьяне, обращаясь за помощью к обладателям высшей провинциальной и имперской власти? Шансы на позитивный ответ в отдельных случаях у них, несомненно, были. Неизвестно, вследствие ли основательной аргументации или по каким-то другим причинам, но самую решительную поддержку императора получила петиция арендаторов Бурунитанского сальтуса. Своей резолюцией (CIL, VIII, № 10570=14464, vss. 64–71) **Коммод запрещает прокураторам привлекать колонов к работам чаще, чем трижды по два дня в год, и взыскивать с них что-либо сверх положенного по закону**. Как уже упоминалось, в 68 г. н. э. поддержал земледельцев, добивавшихся отмены незаконных поборов, префект Египта Тиберий Юлий Александр. Из указа, выгравированного на бронзовой пластине из античного города Банаса в провинции Мавретания Тингитанская (AE, 1948, № 109), следует, что в 215–216 гг. н. э. Каракалла простил местному населению долги императорской казне зерном или деньгами (ibid., vss. 5–6: *debita fiscalia frumentaria sive pecuniaria*), причем, судя по контексту, это благодеяние распространялось и на жителей сел. Известны и случаи, когда власти пытались защитить провинциалов от обременительного постоя солдат и других непрошенных гостей. Об этом свидетельствуют несколько распоряжений префектов Египта [см.: 10, с. 200], а также датируемый концом II или началом III в. н. э. ответ легата Сирии Юлия Сатурнина жителям *метрокомии* Фэнэи (OGIS, № 609). Слово ΜΗΤΡΟΚΩΜΙΑ встречается в тексте дважды — в первой (ibid., vss. 1–7) и заключительной (ibid., vss. 29–40) фразах надписи. А. Б. Ранович в своде материалов по истории раннего христианства переводит их, соответственно,

следующим образом: «Юлий Сатурнин жителям Феней, *главного города* Трахонского района, привет» и «Это мое послание выставьте в публичном месте в *главном селении*, чтобы никто не мог оправдываться незнанием» [18, с. 51], а в более поздней работе называет Фэнэи «*крупным селом*» [10, с. 154]. Чем руководствовался автор, предлагая первый из выделенных нами вариантов перевода термина ΜΕΤΡΟΚΩΜΙΑ, не совсем ясно — вторая составная часть этого слова указывает на то, что так называлось поселение, вероятнее всего, *сельского* типа. Кстати, в смысле «мать-*деревня*; *главное село* района (mother-village; the chief village of a district)», трактуют понятие «метрокомия» в контексте послания Юлия Сатурнина и составители авторитетного словаря древнегреческого языка Г. Дж. Лиддел и Р. Скотт [21, р. 1130]. Подтверждением же того, что Фэнэи были достаточно крупным для деревенской местности населенным пунктом, на наш взгляд, может служить наличие там упоминаемого в надписи (OGIS, № 609, vss. 21–22) специального помещения для гостей или даже постоянного двора (ΞΕΝΩΝ). Позволим себе также предположить, что речь в данном случае может идти не просто о большом селе, а о селе, возглавлявшем какое-то объединение деревень, возможно, подобное три-, тетра-, пента- и гептакомиям, известным по надписям из Малой Азии [22, с. 148–154]. Как бы то ни было, обращение Юлия Сатурнина было адресовано, скорее всего, сельскому населению. Видимо, реагируя на жалобы жителей Фэнэй, наместник пишет, что они не обязаны принимать в своих домах посторонних (ΞΕΝΟΙ). Те же, у кого *насилено* (ΒΙΑΙΩΣ) поселится воин или частное лицо (OGIS, № 609, vss. 10–12: ΣΤΡΑΤΙΩΤΗΣ Η ΚΑΙ ΙΔΙΩΤΗΣ), говорится в послании, вправе известить об этом Юлия Сатурнина и тот восстановит справедливость.

Однако, разумеется, ожидания крестьян оправдывались далеко не всегда. Наглядным примером этого является изданный в провинции Африка, возможно, ее наместником [8, с. 220], указ, который известен по надписи, найденной в Сиди-Амара (AE, 1929, № 61). Как и послание Юлия Сатурнина, он касается обязательств населения, связанных с содержанием солдат, однако отраженное в африканском документе отношение к этой проблеме совершенно иное. Провинциалам предписывается, причем под страхом сурового наказания в случае неповиновения, обеспечивать прибывающих в их селения военнотружеников всем необходимым. Правда, в принятом варианте восстановления утраченных слов надписи речь идет о солдатах, которые «вводятся магистрами села» ([inducuntur a magistris] vici), то есть о воинах, требовавших постоя на законных основаниях. Однако само издание регулирующего данный вопрос официального распоряжения не позволяет сомневаться в том, что содержание солдат было обременительным и провинциалы выражали по этому поводу массовое недовольство. Упоминание же в указе именно сельских, а не городских, магистратов, свидетельствует о том, что обращение было адресовано прежде всего деревенскому населению. Бывали и такие случаи, когда, подавая прошение, крестьяне рисковали не только своим благополучием, но и свободой, здоровьем. Так, из петиции арендаторов Бурунитанского сальтуса Коммоду следует, что они вели борьбу за свои права в течение многих лет, и предыдущее обращение к властям обернулось для них чрезвычайно тяжелыми последствиями. Императорский прокуратор не только не рассмотрел поданную жалобу, но и, подстрекаемый Аллием Максимом, прислал в поместье солдат, которые одних просителей заточили в тюрьму, а других жестоко избили, не пощадив при этом даже некоторых римских граждан (CIL, VIII, № 10570=14464, vss. 5–20). После этого отстаивать свои интересы в борьбе с имевшим влияние на прокураторов кондуктором колонам удалось только благодаря вмешательству самого императора. Однако, думается, можно не сомневаться, что чаще правители Империи реагировали на крестьянские прошения иначе — переадресовывали их для рассмотрения провинциальным наместникам. Именно так поступил, причем дважды, с петициями жителей Арагвы Филипп Араб: в первый раз — когда был префектом претория (OGIS, № 519, vss. 23–27), то есть в 243 г. н. э. (SHA, XX,

29, 1), во второй — уже будучи императором (OGIS, № 519, vss. 3–4). Как действовал проконсул, ознакомившись с императорской резолюцией, неизвестно, но от распоряжения Филиппа-префекта, по словам просителей, им не было никакой пользы (*ibid.*, vs. 28). К наместникам своей провинции неоднократно обращались за помощью жители Скаптопары. Правители Фракии, возможно, сами посещавшие село и прибегавшие к целебной силе его горячих источников, пытались защитить крестьян (IGBR, IV, № 2236, vss. 53–59, 87–91). На какое-то время их распоряжения избавляли скаптопаренцев от притеснений, но действенность наместнических указов была непродолжительной (*ibid.*, vss. 66–73). Убедившись в этом, сельчане и направили прошение Гордиану III, однако тот предписал своей резолюцией (*ibid.*, vss. 166–169) отослать его на расследование, опять-таки, провинциальному наместнику. Не удалось добиться своего и просителям из Хорадагей — им было приказано исполнять свои обязанности и впредь (ISM, I, № 378, vss. C15–19). Таким образом, не только известные из крестьянских петиций проблемы, с которыми сталкивались во II—III в. н. э. сельские жители фракийских земель, но и ответы на их прошения представляются вполне типичными для того времени.

Подводя итог, прежде всего отметим, что прошения жителей Хорадагей и Скаптопары обнаруживают очевидное сходство с крестьянскими петициями из других областей Римской империи. Данное обстоятельство убедительно свидетельствует о близости тех исторических условий, в которых проживало в эпоху принципата деревенское население восточнобалканских провинций, Малой Азии и африканских владений Рима от Египта до Мавретании. Это дает возможность прийти к двум принципиально важным для дальнейшего изучения истории крестьянства фракийских земель в первых веках н. э. выводам. Во-первых, результаты проведенного исследования, на наш взгляд, могут служить надежным обоснованием *правомерности* привлечения в качестве аналогий при реконструкции картины сельской жизни Фракии и Нижней Мезии материалов из восточных и североафриканских провинций Империи. Во-вторых, обнаружившаяся типичность известной по *единичным* надписям ситуации, в которой оказались сельчане Хорадагей и Скаптопары, позволяет с большой степенью вероятности считать ее характерной в первые века н.э. для *многих* крестьянских селений восточнобалканских земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 21.
2. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи. — М., 2000–2001. — Т. 1–2.
3. *Кацаров Г. И.* Просбата на Скаптопаренците до императора Гордиана III //ГСУ. — 1904–1905. — Т. 1.
4. *Хисарлъшка-Танова С.* За местоположението на Скаптопара//Археология. — 1990. — Кн. 3.
5. *Stoian J.* O inscripție inedită din Histria. Plângerile țăranilor băștinași de pe teritoriul histrian împotriva apăsării Romane//SCIV. — 1951. — Nr. 2.
6. *Stoian J.* De nouveau sur la plainte des paysans du territoire d’Histria//Dacia. Nouvelle série. 1959. — Т. 3.
7. *Bărbulescu M.* Viața rurală în Dobrogea romană (sec. I—III p. Chr.). — Constanța, 2001.
8. *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.
9. *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. — М., 1957.

10. Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. — М.; Л., 1949.
11. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. — Oxf., 1957. — Vol. 2.
12. Геров Б. Проучвания върху западнотракийските земи през римско време//ГСУ. Филологически факултет. — 1959–1960. — Т. 54. — Кн. 3.
13. Димитров Д. Й. Тракийско светилище и панаир край Скаптопара//Векове. — 1988. — Кн. 5.
14. Хрестоматия по истории Древнего Рима/Под ред. С. А. Утченко. — М., 1962.
15. Хрестоматия по истории Древнего Рима/Под ред. В. И. Кузищина. — М., 1987.
16. Льюис Н. Из истории римского гнета в Египте. ΜΕΡΙΣΜΟΣ ΑΝΑΚΕΧΩΡΗΚΟΤΩΝ //ВДИ. — 1939. — № 1.
17. Mitteis L., Wilcken U. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Bd. 1. Historischer Teil. Hft. 2. Chrestomathie. — Leipzig, 1912.
18. Ранович А. Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы. — М., 1933.
19. Rostowzew M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. — Leipzig u. Berlin, 1910.
20. Фюстель де-Куланж. Римский колонат. — СПб., 1908.
21. Greek-English Lexicon/Comp. by H. G. Liddel and R. Scott. — Oxf., 1996.
22. Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. (независимая сельская община). — М., 1962.

Summary

A. Martemyanov. Peasant Petitions of the First Centuries A.D. from the Thracian Lands, Asia Minor and North Africa: the Attempt of the Comparative Characteristic

The article is devoted to comparative characteristic of the peasant complaints from Choradagei (Lower Moesia), Scaptopara (Thrace) and analogous petitions from other regions of the Roman Empire. The results of this analysis testify to similarity of the conditions of the country life in the Thracian lands, Asia Minor and the African possessions of the Rome in the age of the principate. In author's opinion it prove the possibility of the attraction of the materials from the Eastern and North-African provinces of the Roman Empire as analogies on the research of the country life of Lower Moesia and Thrace in the first centuries A.D.

